

По Солнечному пути метафизики

В.А. Красилов

профессор.

Палеонтологический институт РАН

Древнейшие боги олицетворяли силы природы. В то же время они были как бы частями единого тела. В египетской «Книге Мертвых» боги, олицетворяющие различные стихии, представлены как части тела Атума, охранительно простирающего руки над всем сущим. Распростертый Атум дал начало образу «небесного человека», который встречается в христианской мистике и знаком которого является крест (ветхозаветный Дух Божий тоже носился над бездной — правда, о распростертых руках не упоминается, но как еще носиться?). След Атума сохранился в мифах различных народов о человеке, вознесшемся на небо, подобно Ориону (в виде созвездия, напоминающего крест).

Из книги «Метаэкология» (М., 1997).

Поскольку Атум в качестве Атум-Ра отождествлялся с Солнцем (Ра), изменяющим в течение года время своего пребывания на небе и ежедневно погружающимся в море, чтобы возродиться в утреннем сиянии, то и «небесному человеку» пришлось отправиться в странствие по Солнечному пути.

Зимнее солнцестояние приходится на двадцатые числа декабря. Соответственно персонажи, отождествляемые с «небесным человеком», рождались (отправлялись странствовать) в эти даты или сразу после них. Их мать олицетворяло созвездие, находящееся в начале пути и посвященное великим богиням-матерям Нинмах, Исиде или Афродите, которых часто изображали с младенцем на руках. Уже в греческой мифологии этот младенец был символом любви.

Божественный скиталец Дионис был рожден дважды — от смертной Семелы и затем (так как он был недоноском) из бедра самого Зевса. В земном странствии он перенес много испытаний. На него покушался, среди прочих, жестокий царь фракийцев Ликург, от которого юному богу пришлось спастись в море. Он спустился в мрачное царство Аида, чтобы вызволить Семелу. Все его враги, естественно, понесли наказание, а почитатели были вознаграждены, вознесясь вместе с ним на небо. Среди последних была дочь Икария Эригона, увековеченная в виде созвездия Девы, от которого берет начало Солнечный путь.

Из мифа о сыне Солнца Фазтоне мы узнаем, что Солнечный путь отнюдь не был увеселительной прогулкой. Здесь небесного человека ожидали тяжкие испытания в виде чудовищных животных. Не всякий мог справиться с ними. Горящий Фазтон упал на землю, и тело его омыли воды священной реки Эридан.

Еще более опасен подземный отрезок пути после переправы через реку — священную, будь то Ганг, Стикс, Эридан или Иордан — который когда-то назначался «сыновьям» (Энлилю, Гераклу) во искупление греха, напоминающая о жертвоприношении детей. Отсюда мотив сурового отца, отзвуки которого еще звучат в Евангелии («Для чего ты меня оставил?») и в бесчисленных историях о потерянных, оставленных, преследуемых, не узнавших отцами и снова обретенных детях.

Впоследствии подземное царство стало обязательным объектом посещения. История Гильгамеша позволяет составить представление об истинной цели путешествия. Он отправился в загробный мир в поисках предка (единственного уцелевшего после потопа), чтобы узнать у него тайну бессмертия — не только для себя, но и для всех людей. Поход его окончился неудачей: повстречавшийся на обратном пути, уже после переправы, змей съел дерево жизни. Возвращение умерших было задачей путешествий Орфея, Геракла (за Алкестидой), Тесея и, возможно, Лота (если считать полыхающий, покрытый серой Содом ветхозаветным аналогом ада). Эней спускался к умершему отцу, чтобы с его помощью заглянуть в будущее. Одиссей преследовал более скромную цель — узнать дорогу домой, к отцу на Итаку, но это лишь более приземленный вариант того же мифа.

Соединение всех этих символов дает рождение от дэвы в конце декабря, погружение в воду, скитание в пустыне среди зверей и дьявольских наваждений, многократные переправы с одного берега на другой, учеников по числу знаков Зодиака, оживление мертвых, поединок со смертью во имя спасения и возвращение к небесному отцу (сошествия в ад нет в канонических Евангелиях, но есть у Никодима).

Аллюзии великого путешествия многократно звучат в библейских притчах. Так, пророк Иона «безал от лица Господня» и, застигнутый штормом на пути в Фарсис,

был — по собственной просьбе — брошен корабельщиками в море, чтобы выкупить им спасение своей гибелью. Его проглотил кит, но метафоричность этого события (очевидно, восходящего к какому-то допотопному жертвоприношению) тут же и раскрывается в речах Ионы:

*...Из чрева преисподней я возопил, —
и Ты услышал голос мой.
Ты вверг меня в глубину, в сердце моря...
До основания гор я нисшел,
Земля своими запорами навек заградила меня,
но Ты, Господи мой, низведешь душу мою из ада.*

Притча о Блудном Сыне — демифологизированный парафраз той же истории, тогда как Вечный Жид символизирует дорогу в один конец — вечное странствие без возвращения и, следовательно, без цели и смысла, противоречащее порядку вещей и столь же противоестественное, как труд Сизифа.

Вольтеровский Кандид, изгнанный из родных мест, проходит через ад прусской военной муштры, терпит неисчислимы бедствия и наконец соединяется с (тоже изрядно помятой жизнью) возлюбленной, чтобы «возделывать свой сад». В том же героическом веке пастор Лоренс Стерн отправился в «сентиментальное путешествие» по Франции и Италии. Он не заметил, что идет война и едва удостоил взглядом Нотр Дам, так как его внимание отвлекла девушка с зеленым сатиновым кошельком. Это было первое путешествие маленького человека с его заниженным эпикурейством, воспринятое современниками как собрание мелочей. Вирджиния Вулф, однако, проницательно усмотрела в импрессионизме Стерна прообраз нового искусства, совершившего крутой поворот от вечного к сиюминутному. Но не такой же ли поворот был совершен теми, кто сделал Энлиля сыном плотника?

Западная литература Нового времени показывает, сколь глубокие корни пустило мистическое путешествие. Ее великие странники шли по проторенному пути. Постоянно повторяющийся мотив потери рассудка (приступами безумия страдали Гильгамеш, Геракл, в помрачении столкнувшийся со скалы преданного друга, влиятельный библейский пророк Исая, который три года по воле бога ходил нагой и босой, Орландо, тоже сбросивший одежду, безумствуя на сексуальной почве, Дон Кихот, Гамлет — в связи с появлением призрака отца и многие другие «сыновья»), может быть, восходит к представлению древних («Книга Мертвых», «Одиссея») о том, что души умерших лишены разума.

Романтики влили новую жизнь в начавшую было иссыхать тему соляного странствия. Все его признаки обнаруживаются в неоконченном романе Новалиса «Фридрих фон Офтердинген», герой которого спускается в подземную пещеру (правда, у Новалиса как геолога inferнальные ассоциации замещены минералогическими),

где находит историю своего рода в таинственной книге. Он продолжает свое путешествие уже целенаправленно — в поисках отца.

Поздние романтики нередко воплощали этот сюжет в жизнь. Лорд Байрон в молодости походил на отца, «Бешеного Джека», ловеласа с инцестуальными наклонностями, в зрелые годы — на деда, «Джека Плохая Погода», капитана, всегда попадавшего в шторм, и в конце пути — на его мизантропического брата, «Порченого лорда», от которого унаследовал свой титул. Сделав события мистического путешествия фактами своей биографии (где были и гибель друга в волнах бурного моря, и припадки эпилепсии, и жертвенная смерть во имя свободы), Байрон предпослал песням «Корсара» эпиграфы из дантова «Ада».

Его младший современник Чарлз Дарвин юным романтиком отправился в кругосветное путешествие, которое привело его, правда, не к отцу, а к деду Эразму, первому английскому эволюционисту.

Не сразу удается понять, чем по сей день привлекает нас история столичного щеголя, отвергшего любовь провинциальной девушки с тем, чтобы позднее увлечься ею и в свою очередь быть отвергнутым. Но вспомним, что сей щеголь из высшего света низвергся в глушь степных селений по призыву старшего родственника, которого не застал в живых; что данное им влюбленной девушке обещание братской любви вместо любви половой имеет высоко почитаемый прототип; что совершенное им беспричинное убийство друга есть дань древней традиции, идущей от Геракла (Онегин и Ленский были «лед и пламень», то есть зеркальные двойники). Их конфликт разрешился по традиционной схеме: один из двойников отправил другого в загробное странствие. Место его, однако, пустовало недолго. Идеальная возлюбленная, осваивая духовный мир героя по прочитанным им произведениям и обращая при этом внимание на «отметки резкие ногтей», ассоциирующиеся с аналогичными отметками — личным знаком первобытного человека на стенах пещеры, превращается в его двойника и проходит восходящую часть пути, поднимаясь от бессмысленного прозябания в глуши селений к самоотверженной жизни в высших сферах.

Эпигоны романтизма тиражировали роман-путешествие, не задумываясь о его сокровенном смысле. Дети капитана Гранта странствуют и подвергаются лишениям в поисках отца (то, что цель состоит в спасении отца, а не их собственном — допустимая в рамках жанра перестановка). Независимо от намерений автора, привлекательность подобных сюжетов объясняется их генетической связью с мистическими путешествиями «сыновей», неразрывной духовной связью между поколениями.

Самые яркие литературные явления нового времени — это парафразы солярических путешествий у Достоевского, Булгакова, Пастернака, Платонова, Маркеса

(Дванов, вырвавшись из ада Чевенгура, сошел с седла в воду в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти. Путь другого соляроида, полковника Аурелиано Буэндия, начался посещением бродячего цирка, куда привел его отец, пролегал через ад тридцати двух развязанных им и проигранных войн, несостоявшуюся смерть, безумие власти, чуть не стоившее жизни другу, и завершилось — с приездом бродячего цирка — у старого каштана, под которым уже столько лет ждал его призрак отца).

Эти примеры иллюстрируют необычайную живучесть древней метафизики. В ее основе лежит отождествление личности со Вселенной, охраняющее от колдовства и обеспечивающее бессмертие. Образ хранителя с крестообразно распростертыми руками, летящего над бездной, вызывает чувство защищенности, приобщенности, сопричастности всему, происходящему в природе.

Если метафизическая система распалась, новая складывается из ее обломков, приобретая разительное (и не всегда желательное) сходство со своей предшественницей. Духовный наследник обладателя нового слова, воплотивший последнее в исторических реалиях отдельно взятой, избранной страны, спустился из привилегированных слоев общества на самое дно, испытал унижение ссылки, изгнание, предательство и принял мученическую смерть, чтобы стать живее всех живых. Верный ученик — в данном случае Иосиф, а не Петр — стал тем камнем, на котором воздвиглось нерушимое братство народов, идущих по завещанному пути и т. д. Нетрудно заметить множество совпадающих подробностей вплоть до жесткого регулирования половых отношений.

Подобие последовательных, как и параллелизм, одновременных метафизических систем определяется устойчивостью основных духовных потребностей, которые переходят без изменений от одного поколения к другому, как, впрочем, и основные материальные потребности, связанные с питанием и размножением. Прагматический жизненный опыт обращен к внешнему миру, погружая его феномены в сознание в виде неких объяснений, метафизика — к внутреннему миру, открывая феноменам духа выход наружу в виде неких событий.

Вечно живая, метафизика тоже следует по Солнечному пути, то погружаясь в бездну, то воспаряя ввысь. Внизу создание духа научается есть, пить, общаться с ворами, мытарями, проститутками. Метафизика вмешивается в питание и размножение, заставляя поститься и рекомендуя воздержание. В то же время под влиянием прагматического опыта метафизические идеи обрастают силлогизмами, доказательствами, фактами, все более изощренно и безраздельно подчиняя сознание.

Историю западной цивилизации можно представить как чередование метафизических и прагматических периодов. Метафизические идеи возобладали в эллинистическом мире, на смену которому пришел латинский

прагматизм с тем, чтобы уступить торжествующей метафизике Средневековья. После Возрождения прагматизм победно шествовал по пепелищам гугенотских и других столь же священных войн, и сейчас находится на гребне волны.

* * *

Любая развивающаяся система имеет цель — некое предсказуемое состояние, к которому она стремится, подчиняясь общим законам развития. Достижение цели, например возобновление вида, гарантируется генетическим механизмом, точность работы которого позволяет безошибочно предсказать, что из утиного яйца вылупится утенок, а не лебедь (впрочем, было время, когда философы распространяли свое недоверие к целенаправленности в природе на всю генетику, причисляя ее чуть ли не к оккультным наукам). Разумеется, природная система не размышляет о своих целях и неспособна произвольно менять их. Но не то же ли можно сказать и о человечестве?

Система задает цель своим компонентам, и пока человек был частью природной экологической системы, ему незачем было заботиться о смысле существования. Беспокойство, ощущение пустоты жизни и необходимость определения ее смысла пришли с отделением от природы и начавшимся процессом формирования новых систем, все более подчинявших себе физическое существование человека. В связи с этим впервые появилась потребность разобраться не только в окружающем, но и внутри себя, т. е. духовная жизнь. Для поддержания этой последней формировалась метаэкологическая система, развивающаяся автономно, хотя и уподобляемая внешней системе мироздания. Метафизика возникла на основе такого уподобления как символическое воплощение внутреннего мира.

В этот ранний период был заложен фундамент метаэкологической системы. Краеугольным камнем в нем был образ Солнца, космического очага, как субстанциональной основы единства мироздания, который дополнялся и частично замещался Логосом, родственной интеллектуальной субстанцией. Свойства этой ионийской субстанции, ее непрерывность и дискретность, порождали объединяющие и конфликтующие начала, представления о единице и бесконечно малом, преломленные в боге и человеке, о тонких атомах души и плотных атомах тела. Мироздание приобретало структуру, основанную на гармонии чисел или подобии атомов. В этой системе состоялось разделение внешнего мира вещей и внутреннего мира сущностей. На долю Нового времени выпала рационализация этих идей, перевод первичных метафор, называемых мифами, на упрощенный язык вторичных метафор, называемых философией.

Я принимаю традиционную интерпретацию мифических сюжетов или предлагаю собственную, если она

кажется мне более убедительной. Ключ к символике мифов дает сравнительная мифология, обнаруживающая повсеместный параллелизм мифотворческих процессов. Мифы, родившиеся как в тропических джунглях, так и на просторах тундры, говорят на разных языках об одном и том же — то внятно, то туманно, и в этом смысле дополняют друг друга, помогают заполнить пробелы и расчистить позднейшие наслоения. Мифотворческий параллелизм свидетельствует о единстве первичных духовных потребностей человечества, отраженных в древнейших метаэкологических системах.

Если рассматривать миф как изложение каких-то, пусть даже отчасти или целиком вымышленных, событий, то нетрудно обнаружить в нем отклонения от элементарной логики. Словно мифотворчество руководствуется какой-то своей, особой логикой. Однако логическая структура мифа проявляется не в житейском, а в метафорическом значении описываемых событий. В процессе духовной эволюции метафоры претерпевали определенные изменения (например, олицетворение родовой сущности утрачивало зооморфные черты и приобретало антропоморфные; путь души пролегал не по звездному небу, а по каменной земле). Соответственно вносились поправки в их событийное оформление (супругом Европы становился уже не бык, а Зевс, принявший облик быка; созвездие Девы заслоняла девственная жена плотника), постепенно утратившее всякое правдоподобие. В этом, по-видимому, и заключается секрет мифопоэтической логики, которая, как утверждают многие, не имеет ничего общего с формальной.

Иначе говоря, есть разные способы представления, но нет разных логик. Основу логики составляют причинно-следственные отношения, которые неизбежно возникают в любой системе как результат воздействия ее элементов друг на друга. Поскольку не может быть мира без воздействий (о таком мире мы просто не можем судить, существует он или нет, так как существование проявляется не иначе как в воздействии), то нет и мира без причинно-следственной логики. По сути, логика — это единственное общее для всех мыслимых миров, главное, что связывает физические системы с метаэкологическими.

Мифы убедительно опровергают мысль о производности духовной жизни от материальной. Мы видим богатство и сложность метаэкологических систем при убожестве и простоте экологических, и наоборот. Космизм древнего человека не имел никакой опоры в материальных условиях и потребностях его существования. Человеку нужен был космос для приведения в порядок круговращений души задолго до появления потребности в календарях и навигационных приборах, которые заставили забыть о космосе. Человек мог думать о главном, пока его не убедили в том, что главное находится вне компетенции человеческого разума.